

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-151-161>

УДК 81'367.622.12

ББК 81.2

Научная статья/Research article

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-No Derivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2025 г. Н.А. Бородина

г. Елец, Россия

ТРАДИЦИИ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА В СТИХОТВОРЕНИИ «АЛИСАФИЯ» И.А. БУНИНА

Аннотация: Фольклоризм является одной из отличительных черт поэтического и прозаического наследия И.А. Бунина. Он не только вкрапливает в создаваемые произведения фольклорные тексты разных жанров, но, заимствуя, интерпретирует и перерабатывает их для максимальной реализации авторского замысла, мастерски осваивает поэтику устного народного творчества. Цель данной работы — выявить, как воплотились славянские фольклорные традиции в бунинском стихотворении «Алисафия». Первоисточником для анализируемого произведения послужил духовный стих о Егории Храбром и царевне, связь с которым подчеркивается ономастическими единицами (*Егорий, Алисафия, Змей*), выступающими «двигателем» сюжетной линии. В ходе исследования установлено, что отход от претекста, проявляющийся в редуцировании и изменении змееборческого сюжета, обусловил появление образов и средств художественной выразительности, свойственных свадебным песням и причитаниям, волшебным сказкам, обрядовой поэзии и славянскому фольклору в целом. К ним можно отнести использование приема психологического параллелизма и инверсии, включение в поэтический текст постоянных эпитетов и повторов разных типов, изображение главного героя храбрым и мужественным, а героини покорной и кроткой, реализацию мотива сватовства представителя иномирия и мотива богатырского сна, завершение стихотворения счастливым финалом, выбор ритмико-звуковой организации и др.

Ключевые слова: И.А. Бунин, стихотворение «Алисафия», фольклоризм, устное народное творчество, свадебные песни, сказки, духовные стихи, обрядовый фольклор.

Информация об авторе: Надежда Анатольевна Бородина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, д. 28, 399770 г. Елец, Россия.

ORCID ID: <https://doi.org/0000-0002-9198-1080>

E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.01.2025

Дата одобрения рецензентами: 17.07.2025

Дата публикации: 25.09.2025

Для цитирования: Бородина Н.А. Славянские фольклорные традиции в стихотворении «Алисафия» И.А. Бунина // Вестник славянских культур. 2025. Т. 77. С. 151–161. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-151-161>

Обращение к народному поэтическому творчеству как неиссякаемому источнику тем и мотивов, сюжетов и образов, жанрово-стилевых приемов и изобразительно-выразительных средств характерно в целом для русской литературы и в частности для И.А. Бунина, которого Н.П. Смирнов назвал одним из «самых "фольклорных" писателей классического круга» [15, с. 410]. Поэт внимательно наблюдал за жизнью простого народа, скрупулезно изучал сборники П.Н. Рыбникова [31], Е.В. Барсова [30], В.Б. Антоновича и М.П. Драгоманова [26], А.И. Соболевского [23], П.В. Шейна [24], П.В. Киреевского [31] и др., делая записи услышанного и прочитанного [3; 13]. Он не просто включал разножанровые фольклорные тексты (сказки, былины, легенды, духовные стихи, песни, причитания, частушки, прибаутки, пословицы, поговорки, загадки, заговоры, приметы и т.д.) в художественную ткань произведений, заимствовал и стилизовал, но и, опираясь на богатые фольклорные традиции, интерпретировал и трансформировал их в соответствии с авторским замыслом. Все вышесказанное позволяет исследователям творчества нобелевского лауреата говорить об особом характере бунинского фольклоризма [2, 4, 6, 8, 14].

Ярким примером того, как И.А. Бунин «свободно использует источники, смешивает образы и меняет акценты, создавая не вариации на известные темы, а самостоятельные произведения, только внешне и/или архетипически связанные с культурным прообразом» [7, с. 115], является стихотворение «Алисафия», опубликованное в 1912 году. Написано оно по мотивам духовного стиха о Егории Храбром и царевне, именуемого в научной литературе «малым». С ним поэт, вероятно, познакомился по сборникам «Стихи духовные» Е.А. Ляцкого («О спасении Елисавии Арахлинской царевны» [34, с. 101–107]) и «Памятники народного творчества в Олонецкой губернии» Е.В. Барсова («Красная Алисафия Агапиевна» [30, с. 89–91]), выписки из которого И.А. Бунин сделал для дальнейшего использования [3, с. 416].

Сюжетную линию малого духовного стиха (несмотря на наличие разных версий его бытования, см. подробнее [19, с. 6–16]) составляют следующие события. Молодую девушку-христианку, дочь царя-язычника Агапия, обманом отдают на съедение «змею лютому». Избавляет ее от неминуемой гибели Егорий Храбрый, усмирив чудовище. По приказу святого за шелковый пояс отводит царевна укрощенного змея в город, чтобы, увидев чудесное спасение дочери, царь принял христианство — веру истинную [30, с. 89–91].

Рассказывая о подвиге Егория Храброго, И.А. Бунин отходит от первоисточника, редуцирует и видоизменяет змееборческий сюжет, что влечет появление образов и языковых средств, нехарактерных для русской народной религиозной поэзии.

Связь с претекстом устанавливается, прежде всего, благодаря мифонимам (*Алисафия*, *Егорий*, *Змей*), обладающим интертекстуальной природой.

В сильную позицию — заглавие — вынесен мифоантропоним *Алисафия*, который И.А. Бунин выбирает из бытующих в духовных стихах огласовок имени спасенной царевны (*Агатья*, *Александра*, *Алисафия*, *Елисафия*, *Елисахфия*, *Олисафия* и др. [25]), восходящего, как утверждает Т.В. Хлыбова, к *Елизавета* (от др.-евр. עֲלִישֶׁבָּא, 'Ēlišēbā' букв. «Бог — моя клятва», «Богом я клянусь») [19, с. 13].

В основном тексте ономастическая единица вступает в присловную связь с прилагательным *покорная*, что дает возможность поэту раскрыть основную черту характера девушки — послушность: *Лег и спит, и дрогнет с холоду / Алисафия покорная* [22, с. 89]. Эта особенность ее поведения прекрасно согласуется с создаваемым в устном народном творчестве идеалом женщины, кроткий нрав которой высоко ценился. Ср.: *Возьми, возьми, дитяtko, / Умную, разумную, / Счастливую, таланную, / Кроткую, смиренную / Душу красну дѣвицу!* [23, т. 3, с. 228]; — «*Мамонька родная, / Та будетъ мнѣ женой, / Тебѣ невѣстушкой, / Да послушницей, / Въ полѣ работницей, / Въ домѣ замѣнушкой, / А гостямъ привѣтницей!*» [23, т. 3, с. 230]; *Смиренье дѣвичье (молодцу) ожерелье* [33, т. 2, с. 286]. В бунинском стихотворении неоднократно указывается на данное качество Алисафии: необходимость безропотно выполнить отцовскую волю — выйти замуж за Змея, выбранного родителем в качестве ее супруга; по просьбе Егория смиренно охранять его сон. Например: — *Покорись* (покориться — ‘поступать согласно воле, желанию кого-либо’), *сестра: ты батюшкой / За морского Змея выдана; — Дай уснуть мне, Алисафия, / Под твоей защитой кроткою* (кроткий — ‘покорный, смиренный’) [22, с. 89].

В рассматриваемом лирическом произведении с образом Алисафии тесно связан трижды повторяющийся (вспомним о принципе троичности в русских сказках и былинах) образ вербы. В восточнославянском фольклоре это дерево последовательно символизирует женщину или выступает в качестве ее иносказательной замены [1, с. 198]. Например: *Въ чистомъ полѣ вербу вѣтромъ раздуваетъ, / Вѣтромъ раздуваетъ, к сырой землѣ приклоняетъ. / Что, наша невѣстка, что, наша голубка, / Не весело ходишь, не смѣло ступаешь?* [23, т. 2, с. 466]; *Что не верба-то клонится, / Не кудрявая-то приклоняется: / Уж наша-то Марьюшка благословляется / У родимого-то своего батюшки!* [12, с. 115].

Прием психологического параллелизма, традиционный для народно-поэтической речи, помогает И.А. Бунину более точно передать эмоциональное состояние Алисафии, знаменательное событие в ее жизни при сближении с миром природы.

Определенный лирический настрой создает уже первая символическая картина склоненной вербы, восходящая, на наш взгляд, к величальной песне жениху и невесте из сборника П.В. Киреевского. Ср.: *На песок у моря синего / Золотая верба клонится* [22, с. 89] — *Что по край моря синяго / Тутъ стояла верба золотая* [31, с. 31].

Наращение напряжения в развитии сюжета отражается на выборе И.А. Буниным языковых средств при изображении дерева. Глагол несовершенного вида в прошедшем времени *клонилася* «не двигает событий» [5, с. 454], но ярко и выразительно передает действие, предлог *по* с дательным падежом имени *ветру* используется для обозначения внешней силы, имеющей направление, в котором совершается действие, а предложно-падежное сочетание *во все стороны* указывает на разнонаправленность выполняемого действия: *Золотая верба по ветру / Во все стороны клонилася* [22, с. 89]. Итак, образ вербы, гнущейся под порывами ветра, становится символом горькой девичьей участи.

Описание: *Золотая верба, звездами / Отягченная, склоняется* [22, с. 90], — вызывает прямые ассоциации с невестой в богато украшенном головном уборе, что подтверждается заключительными строками. Здесь наблюдается апелляция к волшебным сказкам, для которых счастливая концовка является необходимым компонентом сюжета: герой-змееборец спасает обреченную на съедение царевну и женится на ней [16, с. 103]. Свадебные акценты расставляются И.А. Буниным в результате включения лексем *суженый, нареченный*, в семантике которых присутствует сема ‘предназна-

ченный судьбой в мужа, жених', а также оборотов, характерных для русской свадебной поэзии (например, *Он с коня слезает весело* [22, с. 89]; *С нареченным Алисафия / В Божью церковь собирается* [22, с. 90]) [7, с. 116].

Для номинации героя-змееборца автор использует однословный мифоантропоним *Егорий*, являющийся народным вариантом имени *Георгий* (от греч. Γεώργιος «земледелец»), и мифоним-билексему *Егорий-батюшка*, препозитивный компонент которого восходит к проприальной единице, а постпозитивный — к апеллятиву. Первый употребляется при описании святого и развертывании сюжетной линии, а второй — в обращении Алисафии, пытающейся разбудить спасителя: *Вот и видит Алисафия: / Белый конь несет Егория; — Встань, проснись, Егорий-батюшка!* [22, с. 90].

Не зафиксированный в духовной поэзии вокатив *Егорий-батюшка* обнаруживается в календарном фольклоре. Важным для организации быта русского народа был Вешний Юрьев день (23 апреля), открывавший цикл сельскохозяйственных работ. Праздник, посвященный Георгию Победоносцу — христианскому святому, покровителю воинов, «загонщику скота», «волчьему пастырю», — в разных российских регионах сопровождался рядом обрядовых действий, песнями-заклинаниями, заговорами и приговорами. Например: *Святой Егорий-батюшка, сдаем на руки тебе свою скотинку и просим тебя — сохрани ее от зверя лютого, от человека лихого!* [29, с. 228–229]; *Батюшка Егорий, / Макарий преподобный! / Спаси нашу скотину. / Спаси и сохрани / В поле и за полем, / В лесе и за лесом, / За крутыми берегами, / За быстрыми реками!* [29, с. 224] и др. Почтительное именование Егория *батюшкой* отмечается также в поговорках и приметах русского народа: *Не вѣрила бабка веснѣ, а пришелъ батюшка Егорій, — и ее, старую, въ потѣ бросило!*; *Алексѣй-человѣкъ Божій — съ горѣ воду сгонитѣ (17-е марта пройдетъ), Оекул (5-е апрѣля) тепла надуеѣтъ, Василій Парейскій (2-е апрѣля) землю запаритѣ, святой Пудѣ (15-е апрѣля) вынетѣ пчелу изъ-подѣ спуда, а мужикѣ — все веснѣ не вѣритѣ, — пускай, говоритѣ, земля прѣет, а я погожу полушубокѣ снимать: придетѣ Егорій — самѣ, батюшка, съ плечѣ сыметѣ!* [27, с. 250].

Вариативность номинации позволяет поэту в создаваемом образе соединить религиозные и народно-поэтические представления о Егории: во-первых, всадника на белом коне, восходящего к каноническому иконописному изображению святого; во-вторых, спасителя девушки-христианки; в-третьих, покровителя земли Русской, что подчеркивается уचितым обращением к угоднику Божьему.

Народное сознание рисует Егория доблестным воином, мужественным и смелым. Подобно былинному или сказочному богатырю, у И.А. Бунина Егорий погружается перед боем со Змеем морским в крепкий сон [18, с. 17]. По словам Т.В. Краюшкиной, в русских народных волшебных сказках «сон героя — причина активных действий других персонажей, их активность — средство пробуждения героя» [11, с. 22]. Попытка Алисафии разбудить Егория словом не увенчалась успехом. Выходом из состояния схожего со смертью становится живительная сила ее жгучей слезы, для описания которой в стихотворение включаются эпитет *тяжкая*, показывающий испытываемые девушкой душевные страдания, и сравнительная конструкция *упала как олово*, эксплицирующая оказанное воздействие: *И заплакала, закрылася / Алисафия — и тяжкая / По щеке слеза скатилась / И упала на Егория, На лицо его, как олово* [22, с. 90]. Здесь И.А. Бунин не отступает от существующей фольклорной традиции, поскольку слезы в сказках, причитаниях и песнях «всегда благотворны» [9, с. 65], они способны не только пробудить крепко спящего, но и воскресить умершего.

В состав индивидуально-авторского мифонимикона входит и мифоним *Змей*, образовавшийся в результате онимизации апеллятива: *И вскочил Егорий на ноги, / И срубил он Змею голову* [22, с. 90]. В русском фольклоре это фантастическое существо часто предстает похитителем царских дочерей, разорителем городов, требующим дани в виде девушек и женщин. Однако всегда находится герой, который побеждает его.

Поэт уточняет природу Змея благодаря распространению мифологического имени препозитивным прилагательным *морской*. Водная среда: будь то море, как например, в сказках «Буря-богатырь Иван коровий сын» [21, с. 267–277], «Два Ивана солдатских сына» [21, с. 349–357], озеро, река или глубокий колодец — выступают типичными местами обитания фольклорного Змея.

Морской Змей выбран в женихи Алисафии родителем, на что указывает ответная реплика ее братьев, в которой краткое причастие *выдана* (*за кого*) имеет значение ‘устроить брак’. Этот факт позволяет говорить о реализации в анализируемом стихотворении фольклорного мотива сватовства представителя иномирия, который забирает девушку с разрешения ее родных [17, с. 105]. Отголоски свадебных причитаний можно увидеть в укорах Алисафии: — *Что ж вы, братья, меня кинули? / Где же это в свете видано?*; — *Воротитесь, братья милые! / Хоть еще раз попросаемся!* [22, с. 89]. Эмоциональная напряженность, глубокая печаль передаются благодаря включению восклицательных и вопросительных конструкций, а также благодаря образу склонившейся вербы, рассмотренному нами выше.

В бунинском стихотворении, как и в сказке, находит отражение изменение погодных условий перед появлением inferнального существа [18, с. 17]: холодает, заходящее солнце становится ярко-красным, море к закату темнеет, шумит, покрывается пеной, и вот грозная волна «*шибко мчит глаза змеиные*» [22, с. 89]. Для фиксации происходящих перемен И.А. Бунин прибегает к цветописи колоративами *рдяный* (*солнце рдяное*), *черный* (*зыбь черная*) и звукописи с помощью однокорневых лексем *за шуметь*, *шум*, в семантической структуре которых наличествует сема ‘гул’, и аллитерации, основанной на повторении шипящих согласных ([ж], [ш], [ч']) и свистящих согласных ([з], [с], [с']).

Органично вплетаются в художественную ткань стихотворения традиционные для устного народного творчества изобразительно-выразительные средства.

Важным элементом поэтики фольклорных текстов следует назвать эпитет, как правило, имеющий «малоподвижный, окаменевший характер» [28, с. 254]. И.А. Бунин считается по праву мастером эпитетизации. Это средство художественной выразительности — «самое приметное явление» в его идиостиле, как отмечает В.В. Краснянский [10, с. 3]. В стихотворении «Алисафия» употребляются такие общефольклорные постоянные эпитеты, как *море синее*, *белый конь*, выделяющие существенные признаки изображаемого; *братья милые*, *золотая верба*, служащие средствами оценки названного; *Божья церковь*, указывающий на место. Адъективы имеют как препозитивное, так и постпозитивное расположение в атрибутивных конструкциях.

Активно поэт использует характерные для фольклора повторы. Этот стилистический прием в рассматриваемом лирическом произведении реализуется на разных языковых уровнях. Он представлен:

- 1 аллитерацией (например, *Стала зыбь к закату черная* [22, с. 89], где повторение свистящих согласных [з], [с] передает нарастающее напряжение, тревогу);

- 2 ассонансом (например, *И упала на Егѡрія, / На лицѡ егѡ, как ѡлово* [22, с. 90], где ударный [ѡ] создает ощущение движения по вертикали падающей капельки слезы);
- 3 гомеологией (например, *Закипела она пеною, / Зашумела, закурчавилась* [22, с. 89], где повтор префикса за- в глагольных словоформах актуализирует значение ‘начало действия’);
- 4 анафорой (например, *Вот и солнце опускается / В огневую зыбь помория. / Вот и видит Алисафия: Белый конь несет Егория* [22, с. 89], где частица *вот* в сочетании с *и* живописно и выразительно представляет изображаемые события: заход солнца и появление спасителя девушки);
- 5 синонимическим повтором (например, *Он не слышит, спит, покоится* [22, с. 90], где использование глагольных синонимов, объединенных семантикой ‘находится в состоянии сна, покоя’, придает особую эмоциональность описываемому).

В стихотворении «Алисафия» для выделения значимых фрагментов, создания напевности поэтического текста и его ритмизации И.А. Бунин прибегает к инверсии, распространенной в устном народном творчестве: *И заплакала, закрылась / Алисафия* [22, с. 90], где однородные сказуемые находятся перед подлежащим; *Алисафия за братьями / По песку морскому гонится* [22, с. 89], где дополнение *за братьями* занимает препозицию по отношению к сказуемому *гонится*, а согласованное определение *морскому* стоит после определяемого слова *песку*.

В ряде случаев инверсия сочетается с другими приемами, усиливающими создаваемый эффект. Например, в сочетании *Ни минуты ни единыя* [22, с. 90], имеющем значение ‘тотчас, немедленно’, ассонанс [и], [ы] транслирует нарастающую тревогу, испытываемые героиней душевные страдания, повторяющаяся отрицательная частица *ни* передает состояние напряженности, а постпозитивное определение *единыя* подчеркивает важность осуществления действия.

Звуковая организация анализируемого поэтического произведения также соответствует народно-песенной традиции. Неслучаен выбор автором четырехстопного хорея с дактилическими окончаниями, так как, по утверждению К.И. Чуковского, «тригласие» с ударением на третьем слоге от конца — «неотъемлемая принадлежность русского фольклорного стихотворного ритма» [20, с. 522]. Именно оно придавало былинам, причитаниям и песням «особую тягучесть и медлительность» [20, с. 523].

С целью смещения ударения влево и завершения тем самым строки дактилической клаузулой поэт использует следующие приемы:

- 1 «перетягивание» ударения на первообразные предлоги, вследствие чего они становятся акцентными вершинами предложно-именных сочетаний, а знаменательные слова превращаются в энклитики (например, у И.А. Бунина *на́ берег, на́ ноги, по́ ветру*);
- 2 несоблюдение морфологических норм при образовании форм прошедшего времени глагола в результате присоединения постфикса *-ся* вместо *-сь* в позиции после конечного гласного в предшествующем морфе (например, у И.А. Бунина *клоні́лася, саді́лася, закры́лася, скаті́лася* вместо *клонілась, садилась, закрылась, скатилась*);
- 3 использование книжного, поэтического морфа *-ою* вместо *-ой* в именных формах творительного падежа единственного числа женского рода (например, у И.А. Бунина *плёткою, крёткою* вместо *плёткой, крёткой*);

- 4 использование словоформы *еді́ныя* с архаической флексией *-ья*, восходящей к церковнославянскому языку, вместо исконно русской флексии *-ой* (*еді́ной*).

Необходимо отметить, что первые два приема являются средствами стилизации народной речи.

Таким образом, стихотворение «Алисафия» — яркий пример реализации бунинского фольклоризма. Славянские фольклорные традиции своеобразно проявляются в нем благодаря заимствованию сюжета о герое-змееборце и царевне из «малого» духовного стиха о Егории с последующей его трансформацией, обращению к свадебным песням и причитаниям, волшебным сказкам, обрядовой поэзии, включению характерных для них образов и приемов, изобразительно-выразительных средств, ритмико-звуковой организации — четырехстопному хорею с дактилическими клаузулами.

Список литературы

Исследования

- 1 Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с.
- 2 Азадовский М.К. Фольклоризм И.А. Бунина // Русская литература. 2010. № 4. С. 126–148.
- 3 Бабореко А.К. Фольклорные записи // Литературное наследство. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Т. 84, кн. 1. С. 399–418.
- 4 Боровская А.А. Песенная традиция в лирике И. Бунина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 306–308.
- 5 Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.
- 6 Громова А.В. Фольклоризм творчества И.А. Бунина и Л.Ф. Зурова: к постановке проблемы // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. 2013. № 2. С. 18–22.
- 7 Двинятина Т.М. Поэзия И. А. Бунина: Эволюция. Поэтика. Текстология: дис. ... д-ра. филол. наук. СПб., 2015. 437 с.
- 8 Джанумов С.А. Фольклор в творчестве И.А. Бунина // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст. М.: Изд-во Моск. гос. пед. ун-та, 2010. С. 243–254.
- 9 Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 207 с.
- 10 Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина: Ок. 100000 словоупотреблений. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 776 с.
- 11 Краюшкина Т.В. Мотивы состояний персонажей в русских народных волшебных сказках: системный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 46 с.
- 12 Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни: учеб. пособие для пед. ин-тов. М.: Высш. школа, 1978. 215 с.
- 13 Померанцева Э.В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Т. 84, кн. 2. С. 139–154.
- 14 Смирнов В.А. Принципы фольклоризма в творчестве И.А. Бунина // Вестник Ивановского государственного университета. 2003. № 1. С. 1–10.

- 15 Смирнов Н.П. Русская древность и фольклор в поэзии Бунина // Литературное наследство. Иван Бунин: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 408–411.
- 16 Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- 17 Трофимов Г.А. Образ женщины в русских народных змееборческих сюжетах // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 11. С. 103–109.
- 18 Трофимов Г.А. Мотив змееборчества в русской сказке и былине: к вопросу о национальной специфике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 29 с.
- 19 Хлыбова Т.В. Стихи о святом Георгии-Егории (семантика, структура, тематическая детализация) и некоторые вопросы истории «текста»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 25 с.
- 20 Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. М.: Агентство ФТМ; Лтд, 2012. Т. 10: Мастерство Некрасова. Статьи 1960–1969 / предисл. и коммент. Б. Мельгунова и Е. Чуковской. 2-е изд., электронное. 736 с.

Источники

- 21 Афанасьев А.А. Народные русские сказки: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. 516 с.
- 22 Бунин И.А. Стихотворения: в 2 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 2 / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. 544 с.
- 23 Великорусскія народныя пѣсни: в 7 т. / изданы проф. А.И. Соболевскимъ. СПб.: Государственная типографія, 1895. Т. 1. 628 с. СПб.: Государственная типографія, 1896. Т. 2. 588 с. СПб.: Государственная типографія, 1897. Т. 3. 512 с. СПб.: Государственная типографія, 1898. Т. 4. 722 с. СПб.: Государственная типографія, 1899. Т. 5. 644 с. СПб.: Государственная типографія, 1897. Т. 6. 544 с. СПб.: Государственная типографія, 1902. Т. 7. 708 с.
- 24 Великоруссъ въ своихъ пѣсняхъ, обрядахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, сказкахъ, легендахъ и т. п. / матеріалы собранные и приведенные въ порядокъ П.В. Шейномъ. СПб.: Тип. Имп. Акад. наукъ, 1898. Т. 1, вып. 1. 376 с. СПб.: Тип. Имп. Акад. наукъ, 1898. Т. 1, вып. 2. 377 с.
- 25 Духовные стихи Русского Севера / сост. В.П. Кузнецова, сост. нот. прил. Г.В. Лобкова, М.Н. Шейченко. Петрозаводск: Изд-во Карельского науч. центра РАН, 2015. 800 с.
- 26 Историческія пѣсни малорусскаго народа / с объясн. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Киевъ: Тип. М.П. Фрица, 1874. Т. 1. 336 с. Киевъ: Тип. М.П. Фрица, 1875. Т. 2. 166 с.
- 27 Коринфскій А.А. Народная Русь. Круглый годъ сказаній, поверій, обычаевъ и пословиць русскаго народа. М.: Изд. книгопродавца М.В. Клюкина, 1901. 723 с.
- 28 Лирика русской свадьбы / изд. подг. Н.П. Колпакова. Л.: Наука, 1973. 323 с.
- 29 Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.
- 30 Памятники народнаго творчества въ Олонецкой губерніи / Е. Барсова. СПб.: Тип. Майкова, 1873. 116 с.
- 31 Пѣсни собранныя П.В. Кирѣевским. Новая серія. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1911. Вып. 1 (Пѣсни обрядовыя) / подъ ред. академика В.Ө. Миллера и проф. М.Н. Сперанскаго. 356 с.

- 32 Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 4 т. Народные былины, старины и побы-
вальщины. М.: Тип. А. Семена, 1861. Т. 1. 524 с. М.: Тип. А. Семена, 1862. Т. 2.
354, CCCLXXIV с. Петрозаводск, [б. и.], 1864. Т. 3. 462, LXXI с. СПб.: Тип.
Императорской Академіи наукъ, 1867. 300, LXX с.
- 33 Пословицы русскаго народа: Сборникъ пословицъ, поговорокъ, реченій,
присловій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, повѣрій и пр. Владиміра
Даля. 2-е изд., безъ перемѣнъ. СПб., М.: Изд. книгопродавца-типографа
М.О. Вольфа, 1879. Т. II. 638 с.
- 34 Стихи духовные / вступ. ст. Е.А. Ляцкого; тексты избралъ Е.А. Ляцкий
при участіи Н.С. Платоновой. СПб.: Тв-во «Огни», 1912. 192 с.

© 2025. Nadezhda A. Borodina
Yelets, Russia

TRADITIONS OF SLAVIC FOLKLORE IN THE POEM "ALISAFIA" BY I.A. BUNIN

Abstract: Folklore is a distinctive feature of I.A. Bunin's poetic and prose heritage. He not only incorporates folklore elements into his works, but also reinterprets and rewrites them to the best expression of his ideas, masterfully employing the poetics of folklore. The purpose of this paper is to explore how Slavic folk traditions are realized in I.A. Bunin's poem "Alisafia". The source for this analysis is the spiritual verse about St. George the Brave and the Princess, which is connected to the poem through onomastic elements (*Yegory*, *Alisafia*, and *Dragon*), acting as a "driving force" for the storyline. We found that deviations from the original story, manifested through the reduction and modification of the dragon-fighting plot, led to the appearance of images and artistic expressions characteristic of wedding songs and lamentations, fairy tales, and Slavic folklore in general. These include the use of psychological parallelism and inversion, the incorporation of constant epithets and various types of repetitions in the poetic text, the portrayal of Yegory as brave and courageous and Alisafia as submissive and meek, the realization of the motif of the pairing of a representative from the otherworld and the motif of heroic dream, the conclusion of the poem with a happy ending, the selection of rhythmic and acoustic organization, etc.

Keywords: I.A. Bunin, Poem "Alisafia", Folklore, Wedding Songs, Fairy Tales, Spiritual Verses, Ritual Folklore.

Information about the author: Nadezhda A. Borodina — PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor, the Department of the Russian Philology and Journalism, Bunin Yelets State University, Kommunarov St., 28, 399770 Yelets, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9198-1080>

E-mail: borodinanadezhda@yandex.ru

Received: January 27, 2025

Date of approval by the reviewers: July 17, 2025

Date of publication: September 25, 2025

For citation: Borodina, N.A. “Traditions of Slavic Folklore in the Poem ‘Alisafia’ by I.A. Bunin.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 77, 2025, pp. 151–161. (In Russ.)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-77-151-161>

References

- 1 Agapkina, T.A. *Derev'ia v slavianskoi narodnoi traditsii: ocherki* [*Trees in the Slavic Folk Tradition: Essays*]. Moscow, Indrik Publ., 2019. 656 p. (In Russ.)
- 2 Azadovskii, M.K. “Fol'klorizm I.A. Bunina” [“Folklorism of I.A. Bunin”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2010, pp. 126–148. (In Russ.)
- 3 Baboreko, A.K. “Fol'klornye zapisi” [“Folklore Records”]. *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 kn.* [*Literary Heritage. Ivan Bunin: in 2 Books*], vol. 84, book 1. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 399–418. (In Russ.)
- 4 Borovskaia, A.A. “Pesennaia traditsiia v lirike I. Bunina” [“The Song Tradition in the Lyrics of I. Bunin”]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 4 (45), 2015, pp. 306–308. (In Russ.)
- 5 Vinogradov, V.V. *Russkii iazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [*Russian Language (Grammatical Doctrine of the Word)*]. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2001. 720 p. (In Russ.)
- 6 Gromova, A.V. “Fol'klorizm tvorchestva I.A. Bunina i L.F. Zurova: k postanovke problemy” [“Folklorism of the Works by I.A. Bunin and L.F. Zurov: Issue Statement”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo gumanitarnogo instituta*, no. 2, 2013, pp. 18–22. (In Russ.)
- 7 Dviniatina, T.M. *Poeziia I. A. Bunina: Evoliutsiia. Poetika. Tekstologiya* [*I.A. Bunin's Poetry: Evolution. Poetics. Textology: DSc Dissertation Thesis*]. St. Petersburg, 2015. 437 p. (In Russ.)
- 8 Dzhanumov, S.A. “Fol'klor v tvorchestve I.A. Bunina” [“Folklore in I.A. Bunin's Works”]. *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh statei* [*Rusistics and Comparative Studies: Collection of Scientific Papers*]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2010, pp. 243–254. (In Russ.)
- 9 Eremina, V.I. *Ritual i fol'klor* [*Ritual and Folklore*]. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 207 p. (In Russ.)
- 10 Krasnianskii, V.V. *Slovar' epitetov Ivana Bunina. Okolo 100 tysiach slovoupotreblenii* [*Dictionary of Epithets by Ivan Bunin. About 100 Thousand Word Usage*]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 776 p. (In Russ.)
- 11 Kraiushkina, T.V. *Motivy sostoianii personazhei v russkikh narodnykh volshebnykh skazkakh: sistemnyi analiz* [*Motives of the States of Characters in Russian Folk Fairy Tales: System Analysis: DSc Thesis, Summary*]. Ulan-Ude, 2010. 46 p. (In Russ.)
- 12 Kruglov, Iu.G. *Russkie svadebnye pesni: uchebnoe posobie dlia pedagogicheskikh institutov* [*Russian Wedding Songs: Textbook for Pedagogical Institutes*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1978. 215 p. (In Russ.)
- 13 Pomerantseva, E.V. “Fol'klor v proze Bunina” [“Folklore in Bunin's prose”]. *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 kn.* [*Literary Heritage. Ivan Bunin: in 2 Books*], vol. 84, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 139–154. (In Russ.)
- 14 Smirnov, V.A. “Printsipy fol'klorizma v tvorchestve I.A. Bunina” [“Principles of Folklore in I.A. Bunin's Works”]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2003, pp. 1–10. (In Russ.)

- 15 Smirnov, N.P. "Russkaia drevnost' i fol'klor v poezii Bunina" ["Russian Antiquity and Folklore in Bunin's Poetry"]. *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin: v 2 kn.* [Literary Heritage. Ivan Bunin: in 2 Books], vol. 84, book 2. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 408–411. (In Russ.)
- 16 Barag, L.G., Berezovskii, I.P., Kabashnikov, K.P., Novikov, N.V., compilers *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov. Vostochnoslaviiskaia skazka* [Comparative Index of Plots. The East Slavic Fairy Tale]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 437 p. (In Russ.)
- 17 Trofimov, G.A. "Obraz zhenshchiny v russkikh narodnykh zmeeborcheskikh siuzhetakh" ["The Image of Women in Russian Folk Dragon-fighting Plots"]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, no. 11, 2015, pp. 103–109. (In Russ.)
- 18 Trofimov, G.A. *Motiv zmeeborchestva v russkoi skazke i byline: k voprosu o natsional'noi spetsifike* [The Motif of Dragon-fighting in a Russian Fairy Tale and Epic: on the Issue of National Specifics: PhD Thesis, Summary]. Moscow, 2018. 29 p. (In Russ.)
- 19 Khlybova, T.V. *Stikhi o sviatom Georgii-Egorii (semantika, struktura, tematicheskaia detalizatsiia) i nekotorye voprosy istorii "teksta"* [Poems about St. George-Gregory (Semantics, Structure, Thematic Detail) and Some Issues of the History of the "Text": PhD Thesis, Summary]. Moscow, 1994. 25 p. (In Russ.)
- 20 Chukovskii, K.I. *Sobranie sochinenii: v 15 t.* [Complete Works: in 15 Vols.], vol. 10. *Masterstvo Nekrasova. Stat'i 1960–1969* [Nekrasov's Mastership. Articles 1960–1969], introd. and comm. B. Mel'gunov, E. Chukovskaia, 2nd ed. Moscow, Agentstvo FTM, Ltd Publ., 2012. 736 p. (In Russ.)